

Е.Н. КИРИЛЛОВА

РЕМЕСЛЕННЫЕ И ТОРГОВЫЕ КОРПОРАЦИИ В РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ

Ремесленные и торговые корпорации, составлявшие органическую часть корпоративного мира Средневековья и раннего Нового времени, являлись общеевропейским феноменом, но обладали своей спецификой в каждой стране и даже в каждом городе. В отечественной историографии принято говорить о корпорациях, когда речь заходит об обобщениях, преимущественно о гильдиях – по отношению к купеческим объединениям, а в отношении ремесла – о цехах. Предпочтение этого термина имеет, как представляется, два основания: это, во-первых, работы дореволюционных отечественных специалистов, во многом ориентировавшихся на немецкоязычную традицию, где термины *Zunft*, *Zunftzwang* (цех, цеховое принуждение) употреблялись в источниках, и, во-вторых, труды К. Маркса и Ф. Энгельса. В англоязычной литературе предпочтительным термином является "гильдия", причем не только для торговой, но и для ремесленной сферы. Во французской историографии принято употреблять как исторически корректные термины "ремёсла", "сообщества" и др. (*métiers*, *communautés*, *corps de métiers*), так и термин "корпорация" – в качестве не менее корректного и общепринятого в исторической науке обобщения. Этот термин позволяет говорить о корпорациях в разных сферах жизни общества – в ремесле и торговле, в религиозной сфере (капитулы, ордена, братства), в образовании (университеты), о разного рода территориальных объединениях (коммуны, земли) и самое главное – о корпоративности всего общества.

Как организационная форма корпорации охватывали не всю городскую экономику Западной Европы и далеко не все ремесло: в сельской местности, в небольших городках и для многих профессий в крупных городах ремесло было и вплоть до конца XVIII в. оставалось "свободным". Такое определение указывает на отсутствие корпоративных форм организации, но не на бесконтрольность и отсутствие норм, необходимость выполнять которые была безусловной. Происходившая из отношений, присущих натуральному хозяйству, и отражавшая ограниченность внутреннего рынка взаимная зависимость мелких производителей¹ в средние века и раннее Новое время не определялась законами (общегосударственным законодательством, постановлениями городских властей) или наличием корпораций в конкретном городе. Речь идет об обусловленной уровнем развития общества и потому вынужденной взаимной заинтересованности самостоятельных ремесленников и торговцев и даже купцов-негоциантов друг в

Кириллова Екатерина Николаевна – кандидат исторических наук, ученый секретарь Института всеобщей истории РАН.

¹ Понятие "зависимый мелкий производитель", которое вводит Н.А. Хачатурян в недавно вышедшей работе, наиболее точно передает специфику мелкого производства в эту эпоху. – *Хачатурян Н.А.* *Общественная система и принцип относительности. К вопросу о содержании концепт-явления "феодализм".* – *Средние века*, вып. 68 (1), 2007, с. 21. Следует отметить, что важнейшие для Средневековья понятия "мелкий производитель" и "мелкое производство" широко употреблялись и ранее, но добавленное определение выделяет существенную особенность этого явления. "Зависимость" здесь не является ущербной и не носит уничижительного характера; она определяет среду, в которой жил и работал ремесленник.

друге – единственно возможном для конкретного уровня развития экономики и общества в целом способе существования и типе отношений.

Корпорации представляли собой наиболее организованную и на законодательном уровне упорядоченную часть ремесла. Позднее, несмотря на свою очевидную неуниверсальность, они воспринимались в качестве квинтэссенции мира средневекового ремесла и торговли, так же как ремесла и торговли раннего Нового времени. У этого явления множество разноплановых причин. В первую очередь это интерес, который к ним проявляла королевская власть (несмотря на общеизвестный фискальный характер этого интереса); это идеальный образ корпораций как организаций, которые сумели обеспечить социальную стабильность, благоденствие, мир и порядок; и, наконец, причина такого восприятия ремесленных и торговых корпораций – состояние источниковой базы. Именно история корпораций наиболее обеспечена источниками, известными и изученными специалистами, в то время как история ремесел, не знавших корпоративной организации, может опереться на сравнительно весьма немногочисленные опубликованные и архивные материалы.

В целом исследователи придерживаются деления ремесла на "свободное" и "организованное", с разной степенью организованности в разные эпохи и в разных регионах. Во Франции более развернутая типология разделяет ремесла на "свободные" (*métiers libres*), "регламентированные" (*métiers réglés*, правила для которых устанавливали городские власти и они же следили за их выполнением, как, например, в городах юга Франции), "присяжные" (*métiers jurés* или *corps et communautés des arts et métiers*), ремесла как государственную службу и союзы ремесел².

Термин "корпорация" принят для обозначения присяжных ремесел относительно недавно. Во Франции, где предпочитали говорить о "сообществах", в том числе о "сообществах искусств и ремесел" (*communautés des arts et métiers*), это слово английского происхождения стало употребляться лишь во второй половине XVIII в.; впервые оно было использовано в запретившем корпорации декрете Тюрго 1776 г. Необходимость в новом слове отразила новое понимание существовавшего уже много веков института, осознание таких его характеристик, которым прежние обозначения перестали соответствовать.

Традиция изучения ремесел и торговли в средние века – раннее Новое время насчитывает несколько столетий и включает огромное количество работ, посвященных как отдельным городам, регионам и государствам, так и Европе в целом. Стабильный, хотя и не всегда ровный интерес исследователей к этим сюжетам связан с изменениями, которые происходили в этот период в экономике и социальной сфере, поскольку история ремесла и торговли – одна из основных тем экономической и социальной истории. В то же время это один из ключевых сюжетов городской истории, являющейся важнейшей и традиционной областью исследований в мировой исторической науке. Изучение проблемы города зародилось на рубеже XVIII и XIX вв. одновременно с политическим возвышением и утверждением буржуазии, с формированием ее идеологии. До начала XX в. исследования в основном шли по линии изучения политической истории городов и их административных учреждений, хотя уже во второй половине XIX в. специалисты обратились к явлениям экономической и социальной жизни, в том числе к цехам (корпорациям) в городе: как и почему они возникли, что из себя представляли и как развивались.

В работах второй половины XIX – первой половины XX в. значительное место занимает характеристика существовавших в средние века и раннее Новое время типов организации ремесла, которая принята и в современной науке. Исследователи указали на необходимость обобщающей характеристики ремесленных корпораций³, но скорее

² *Olivier-Martin F.* L'organisation corporative de la France d'ancien régime. Paris, 1938, p. 92–113; *Mousnier R.* Les institutions de la France sous la monarchie absolue, 1598–1789, t. 1. Paris, 1974, p. 361–362.

³ *Fagniez G.* Etudes sur l'industrie et la classe industrielle à Paris au XIIIe et XIVe siècles. Paris, 1877, p. IX–X; *idem.* Corporations et syndicats. Paris, 1905, p. 15.

ставили такую проблему, чем стремились решить ее. В соответствии с методологическими установками позитивизма историк должен был максимально следовать источнику при минимуме собственных догадок, на источнике не основанных, и функцию обобщения, аналитической характеристики зачастую выполняла сама организация текста – структура работы. С учетом принятого в то время обильного цитирования источников все это позволяло читателям развивать мысли и предположения авторов, активно участвовать в создании концепций, воспринимая их при этом не столько даже как собственные идеи, сколько как общепринятые и "общеочевидные" точки зрения, убедительно доказанные и всесторонне подтвержденные.

В научном плане критика этих идей и даже частичный их пересмотр значительно затруднялись таким их восприятием, в том числе специалистами, многие десятилетия продолжавшими плодотворно развивать положения, высказанные во второй половине XIX в.

Во французской историографии основные обобщения достигнутых результатов были сделаны лишь к середине XX в. В 1938 г. вышла "Корпоративная организация во Франции Старого порядка" Ф. Оливье-Мартена, в 1941 г. – "Корпорации во Франции до 1789 г." Э. Корне⁴. О высоком общественном интересе свидетельствуют переиздания "Истории ремесленных корпораций" Э. Мартена-Сен-Леона 1897 г.: в 1909, 1922 и 1941 гг.⁵ Эти труды, к которым следует добавить менее цитируемую, но также значимую обобщающую работу 1943 г. бельгийского историка Э. Лусса об обществе Старого порядка⁶, вплоть до настоящего времени являются важнейшими в области истории корпораций, завершившими собой целый этап в их изучении.

Работы французских историков XIX – начала XX в. Э. Левассера, А. Озе, А. Се, Г. Фаньеа и отечественных исследователей – Н.П. Грацианского, А.К. Дживилегова, М.М. Ковалевского, И.М. Кулишера и других – породили живой интерес к корпорациям как феномену общественной жизни. Они оказались весьма привлекательными в условиях конца XIX – первой половины XX в., прежде всего такими своими чертами, как взаимопомощь, коллективизм, общность производственной и духовной жизни. Обобщения, сделанные исследователями и вслед за ними читателями, точнее даже, тот образ корпораций, который они увидели, стал одной из основ для далеко идущих выводов, повлиявших на всю политическую и социальную историю XX в.⁷ Экономисты и политики обратились к ремесленным корпорациям в поисках таких общественных институтов, которые могли бы обеспечить социальную стабильность, взаимодействие классов и социальных слоев.

Стремление к воплощению в жизнь некоторых элементов корпоративной организации Средневековья, итальянский опыт и опыт правительства Виши привели к разочарованию в средневековых корпорациях⁸. Воспоминания о фашизме вызывали живую реакцию против корпоративизма, хотя это движение существовало и после Второй мировой войны. В научной среде это отразилось в неприятии многими учеными термина "корпоративизм", что привело в свою очередь к недооценке самого явления⁹.

⁴ Olivier-Martin F. Op. cit.; Coornaert E. Corporations en France avant 1789. Paris, 1941 (2 éd. 1968).

⁵ Martin-Saint-Leon E. Histoire des corporations des métiers. Depuis leurs origines jusqu'à leur suppression en 1791. Paris, 1897.

⁶ Lousse E. La société d'Ancien Régime. Organisations et représentations corporatives. Louvain, 1943 (2 éd. 1952).

⁷ Энциклопедические статьи о корпорациях неизменно завершались рассказом о современных профсоюзах; а историю профсоюзного движения начинают с истории корпораций. – Garmy R. Histoire du mouvement syndical en France. Paris, 1933. См. также: Кенигсбергер Г. Средневековая Европа, 400–1500 гг. М., 2001, с. 221.

⁸ См.: Elbow M. French Corporative Theory, 1781–1948. A Chapter in the History of Ideas. New York, 1953, p. 77, 196; Kaplan S.L. La fin des corporation. Paris, 2001, p. XI, 616; Россер Дж. Ремесленные гильдии и организация труда. – Город в средневековой цивилизации Западной Европы, т. 2. М., 1999, с. 142–143; Устрялов Н.В. Итальянский фашизм. М., 1999, с. 141–153.

⁹ Хачатурян Н.А. Феномен корпоративизма. – Общности и человек в средневековом мире. М. – Саратов, 1992, с. 23. См. также: Десев Л. Психология малых групп. Социальные иллюзии и проблемы. М., 1979, с. 163.

Применительно к истории ремесленных и торговых корпораций можно даже говорить о "катастрофическом" характере кризиса историографии, если переносить на эту область типологию, предложенную известным немецким историком Й. Рюзеном для кризисов исторической памяти¹⁰, – как о кризисе, препятствующем восстановлению идентичности. Во второй половине XX в. ремесленные организации как одна из важнейших составляющих жизни средневекового общества и общества раннего Нового времени не оставались без внимания историков, но работ, посвященных именно организации ремесла, несмотря на накопление огромного фактического материала, создано не было. В то же время имели место плодотворные попытки обобщения образа корпораций, и не только ремесленных¹¹.

Важным достижением французской историографии второй половины XX столетия стало стремление вписать историю корпораций в более широкие рамки истории ремесла, не ограниченного лишь корпоративными формами, в чем большую роль сыграла посвященная ремеслам юга Франции монография А. Гурона¹², а также в рамки истории труда¹³. Несомненное влияние на эти тенденции развития историографии оказали монументальные работы Ф. Броделя.

Следующее поколение исследователей стремилось вписать ремесло и торговлю в целостную картину мира, показать их место в повседневной жизни в средние века и Новое время¹⁴, в противовес традиционному для предшествующей историографии выделению и обособлению этой сферы, что приводило к исключению ряда немаловажных сюжетов и недооценке связанных с ними проблем¹⁵. Необходимо также отметить большую работу, проделанную в 1960–1990-е годы исследователями, обратившимися к количественным методам. Следует упомянуть разработку такой проблемы, как классификация профессий, а также создание ряда баз данных, в том числе о денежных системах, ценах, заработной плате, о мерах и весах в Нидерландах, Франции, Англии и северо-западной Германии с 800 по 1800 г.

Изменения, происходившие в последней трети XX в. в гуманитарных науках в целом, выразились в особом внимании специалистов к оценкам и критериям, существенным не столько для современности, сколько для изучаемого ими времени. Применительно к истории средневекового ремесла значительную роль в этом сыграла работа Б. Шевалье, акцентировавшего тот факт, что для средневекового человека деление ремесел на почтенные, которые были объединены с торговлей, и остальные – "arts d'industrie", "métiers de labeur", богатые и бедные ремесла, – имело более важное значение по сравнению с делением мастер – работник¹⁶.

Большое влияние на исследователей, занимающихся историей ремесла в Средневековье и Новое время, оказала работа В. Сьюэлла, возможно, еще и потому, что про-

¹⁰ Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти). – Диалог со временем, вып. 7. М., 2001, с. 8–26.

¹¹ Стоклицкая-Терешкович В.В. Проблема многообразия средневекового цеха на Западе и на Руси. – Средние века, вып. III. М., 1951; *её же*. Основные проблемы истории средневекового города. М., 1960; Bouvier-Ajam M. Histoire du travail en France des origines à la Révolution. Paris, 1957; Lorcin M.-Th. La France au XIIIe siècle. Paris, 1975, и др.

¹² Gouron A. La réglementation des métiers en Languedoc au Moyen Age. Genève–Paris, 1958.

¹³ Histoire générale du travail, sous la dir. de L.-H. Parias. Paris, 1960; Bouvier-Ajam M. Op. cit.; Epstein S.A. Wage Labor and Guilds in Medieval Europe. Chapel Hill-London, 1991.

¹⁴ Nicholas D. The Later Medieval City, 1300–1500. London–New York, 1997; Dyer C. Making a Living in the Middle Ages. The People of Britain, 850–1520. New Haven–London, 2002.

¹⁵ А. ван Дерсен посвятил исследование положению французских протестантов, реально утративших многие профессиональные сферы или значительным образом ограниченные в них, указав, что прежде историки практически не касались этих сюжетов. Он рассмотрел профессиональные ограничения и для католиков. – Deursen A.Th. van. Professions et métiers interdits. Un aspect de l'histoire de la révocation de l'Édit de Nantes. Groningue, 1960.

¹⁶ Chevallier B. Les bonnes villes de la France du XIVe au XVIe siècles. Paris, 1982.

фессиональные интересы автора лежали в несколько иной области. Занимаясь рабочими организациями XIX в., он пришел к выводу об их архаичной структуре и их концентрации в тех городских ремеслах, которые при Старом порядке были организованы в корпорации¹⁷. Это и привело исследователя к истории ремесленных корпораций.

Разноплановый материал по истории ремесла в Западной Европе в средние века и раннее Новое время был изучен и обобщен отечественными исследователями – А.Д. Люблинской, М.А. Молдавской, С.Л. Плешковой, М.А. Покровской, Н.В. Ревуенковой, А.А. Сванидзе, А.Н. Чистозвоновым и др. Кризис, пережитый отечественной наукой на рубеже XX–XXI вв., привел к расширению тематики исследований, к активному апробированию новых, положительно зарекомендовавших себя в западной историографии подходов к изучению истории. Однако отход от единой теоретико-методологической установки, весьма ограниченно понимаемой, не в последнюю очередь проявился в том, что специалисты позволили себе больше доверять собственному восприятию изучаемых источников, а также явлений и процессов, что привело к изменению ракурсов исследования и совершенно иному пониманию целого ряда традиционных сюжетов истории ремесла¹⁸.

В последние годы настоятельно подчеркивается необходимость в пересмотре устоявшихся точек зрения на историю ремесла и экономическую историю в целом. Тематические выпуски ведущих исторических журналов специально посвящаются ремеслам, корпорациям, традициям обучения и ряду других "обычных" сюжетов из истории ремесла и торговли в средние века и при Старом порядке¹⁹. При этом на основе новых источников и новых подходов исследователи ставят задачу скорректировать "историографические мифы" о корпорациях и других формах организации ремесла и торговли, анализируя регулирование рынка труда в рамках корпораций и за их пределами; проблему органичности корпоративных структур; семейные стратегии; экономические и политические интересы корпоративных и городских элит и другие вопросы, как представлявшиеся давно решенными, так и впервые поставленные.

По сравнению с рубежом XIX–XX вв. и с первой половиной XX в. общее количество работ по экономической истории средних веков и раннего Нового времени, в том

¹⁷ Sewell W.H. *Work and Revolution in France. The Language of Labor from the Old Regime to 1848*. Cambridge, 1980.

¹⁸ Общности и человек в средневековом мире. М. – Саратов, 1992; Город в средневековой цивилизации Западной Европы, т. 1–4. М., 1999 – 2000. См. также: *Малов В.Н.* Цехи и мануфактуры в политике Кольбера. – Проблемы экономической истории капитализма. М., 1989; *Уваров П.Ю.* К социальной характеристике экспортного ремесла в Париже XVI века (на примере книжного дела). – Рынок и экспортные отрасли ремесла в Европе XIV–XVIII вв. М., 1991; *Безрогов В.Г.* Ирландское ремесло V–VIII вв.: уровень и статус. – Организация труда и трудовая этика. Древность. Средние века. Современность. М., 1993; *Сванидзе А.А.* Поведенческие принципы в средневековой ремесленной среде и отношение к труду. – Организация труда и трудовая этика; *ее же.* Средневековый коммунизм как общественный феномен и историческая проблема – Средние века, вып. 56. М., 1993; *Харитонович Д.Э.* Ремесло и искусство (социокультурный образ западноевропейского средневекового ремесленника). – Одиссей. Человек в истории. 1992. М., 1994; *Краснова И.А.* Деловые люди Флоренции XIV–XV веков. Ставрополь, 1995; *Мосолкина Т.В.* Город Бристоль в XIV–XV вв. Экономика, общественные отношения, социальная психология. Саратов, 1997; *Ястребицкая А.Я.* Trusckepen и Truscken Verleger в немецком книгопечатании XV–XVI вв.: предприниматели и предпринимательское поведение. – Другие средние века. М.–СПб., 1999; *Сурта Е.Н.* Повитухи в период позднего средневековья в Германии: маргиналы или пограничная социальная группа? – Женщины в истории: возможность быть увиденными, вып. 1. Минск, 2001; *Чернова Л.Н.* Business-women средневекового английского города (на материале Лондона XIV–XV вв.). – Адам и Ева. Альманах гендерной истории, 2003, № 6.

¹⁹ Corps et communautés d'Ancien Régime. – Annales. E.S.C., 1988, № 2; Apprentissages (XVIe–XXe siècles). – Revue d'histoire moderne et contemporaine, t. 40-3, 1993; Métiers. Corporations. Syndicalisme. – CLIO, 1996, № 3; Les mondes du travail. – Revue d'histoire moderne et contemporaine, 2002-1, № 49-1; Le travail sous l'Ancien Régime. Pour en finir avec le modèle standard. – Annales. Histoire, Sciences sociales, 2005, № 2, mars-avril; Politiques du travail. – Revue d'histoire moderne et contemporaine, 2007-1.

числе по истории ремесла, сократилось, как и их доля в исторических исследованиях, что характерно и для отечественной, и для зарубежной историографии. При этом потребность в новом и обновленном фактическом материале и в его обобщениях не исчезла, поэтому, обращаясь к данным сюжетам, исследователи (и читатели) активно используют литературу вековой давности. Выполненные на высоком для своего времени научном уровне, эти работы незаменимы как в отношении фактического материала, так и в отношении первичных обобщений и итоговых концепций. Труды, вышедшие 50 лет назад, на их фоне считаются "новыми". Обоснованное возражение, что для исторической науки работы, созданные даже 1000 лет назад, не могут безоговорочно рассматриваться в качестве устаревших, выглядит здесь не совсем корректным, поскольку речь идет о современном уровне развития науки. Обращаясь к таким сочинениям, исследователь всегда ощущает временную дистанцию и осознает – мировоззренческую. Быстрота "устаревания" концепций и подходов в области, например, интеллектуальной или гендерной истории несравнима с историей ремесла, которая во многом живет идеями рубежа XIX–XX вв., а то и середины XIX в. – не дистанцируясь от них, а если иногда даже "смуцаясь" их возрастом, то не имея концепций, способных их заменить. Специфика объекта исследований как явления из истории *longue durée* – лишь одна из причин, вполне закономерных. Другая состоит в том, что многие так называемые "устаревшие" теории, среди которых не в последнюю очередь следует назвать положения К. Маркса, по-прежнему обладают большим объяснительным потенциалом.

Теории, способные обновить понимание социальной истории и истории экономики, рождаются в таких областях, как гендерная история. Гендерные исследования добавили к картине мира "пол" как социокультурную категорию и указали на ущербность характеристики общества, когда она не опирается на информацию, касающуюся обоих полов²⁰. В то же время гендерная история, очень молодое исследовательское направление, занимается больше критикой, чем созиданием²¹, и потому сегодня нельзя говорить о сложившейся целостной концепции в области, например, истории городской экономики средних веков и Нового времени, хотя здесь есть немало важных достижений, в частности, внимание этого направления к роли, мнениям и позициям женщин и детей, что принципиально для истории ремесла.

Провокационность – не только способ привлечь внимание, но и реальный путь изменить представления научного сообщества. Подобное несколько провокационное и в то же время программное название "Конец корпораций" носит вышедшая в 2001 г. работа известного специалиста по истории парижских ремесел XVIII в. американского исследователя С. Каплана, представляющая собой взгляд "с другой стороны". Точкой отсчета для автора выступает XVIII в. и даже Французская революция; его обращения к более ранним сюжетам ретроспективны, как в значительной степени его оценки и выводы. В частности, он называет "золотым веком" корпораций XV и XVI вв., хотя специалисты полагают таковыми XIII–XIV столетия и даже XV в. порой определяют как время "разложения и упадка" цехового строя. Концепция "золотого века" С. Каплана традиционна: корпорации "оставались едиными и допускали социальный рост в своей среде; обучение оставалось скорее опытом социализации, чем эксплуатации; подмастерье всегда мог надеяться стать мастером, а корпорация оставалась гармоничным и солидарным братством". Не случайно автор делает резкое заключение – "ничего подобного в действительности", называя такое представление "очевидно идеализированным"²². С. Каплан анализирует период 1776–1791 гг., начатый реформой Тюрго –

²⁰ Репина Л.П. Женщины и мужчины в истории: новая картина европейского прошлого. Очерки. Хрестоматия. М., 2002, с. 9, 12.

²¹ Суприянович А.Г. Представление гендерной истории в учебных текстах (на примере вузовских учебников по истории средних веков). – Адам и Ева. Альманах гендерной истории, 2008, № 15, с. 305.

²² Kaplan S.L. Op. cit., p. XIII.

неудавшейся, но не прошедшей бесследно попыткой отменить корпорации, – уделяя особое внимание явлению, обозначенному им как "новый" корпоративизм и характеризовавшемуся отчетливым стремлением центральной власти к стандартизации корпораций и к прямому контролю над ними. Корпорации в свою очередь сопротивлялись такому "восстановлению", означавшему конец прежних более или менее автономных сообществ, живших в соответствии с издавна ими самими установленными правилами и традициями.

Вопрос о роли и месте ремесленных и торговых корпораций в социальной и экономической жизни французского общества в конце Средневековья и в раннее Новое время может решаться разными способами. Один из наиболее продуктивных – изучение становления и развития корпораций, происходивших с ними изменений на примере истории одного города. На конкретно-историческом уровне отчетливо выявляется не только специфика, но и нерешенность целого ряда общих проблем истории ремесла, что позволяет взглянуть на них в ином контексте.

Уникальный материал для такого анализа дает Реймс – крупный экономический и культурный центр Франции, важнейший религиозный центр королевства, который часто называют его "церковной столицей", поскольку именно архиепископ и герцог Реймса, первый пэр Франции, один из влиятельнейших иерархов королевства, обладал привилегией короновать французских монархов. Все это позволяет говорить о Реймсе как об исключительном явлении в истории страны и в то же время как об одном из множества городов, не являвшихся важными административными центрами.

История городского ремесла и торговли освещены в соответствующих разделах общих работ по истории Шампани и Реймса. Их развитие в XIII–XIV вв. было подробно проанализировано П. Депортом²³. Ряд исследований и публикаций посвящен появившимся при Ж.-Б. Кольбере мануфактурам²⁴ и отдельным ремеслам²⁵. Однако комплекс реймских ремесленных и торговых регламентов никогда не был предметом специального исследования ни в зарубежной, ни в отечественной историографии, как и в целом история городских ремесленных и торговых корпораций в конце Средневековья – в раннее Новое время. Использувавшиеся в качестве иллюстративного материала отдельные примеры из истории городских корпораций²⁶ позволяли лишь наметить отдельные особенности этого города и обозначить с их помощью общие характеристики эпохи.

Насыщенная политическая и экономическая жизнь Реймса хорошо освещена в дошедших до нас исторических документах. Представительные и разноплановые источники позволяют изучать организацию ремесла и торговли в городе на большом этапе его истории и применительно к разным профессиям.

²³ Desportes P. Reims et les rémois aux XIIIe et XIVe siècles. Lille, 1977; *idem*. Reims et les Rémois: aux XIIIe et XIVe siècles. Paris, 1979.

²⁴ Bondois P.-M. Colbert et l'industrie de la dentelle. – *Revue d'histoire économique et sociale*, 1925, № 4, p. 373–392. См. также: Малов В.Н. Ж.-Б. Кольбер. Абсолютистская бюрократия и французское общество. М., 1991; Bourgeon J.-L. Les Colbert avant Colbert. Destin d'une famille marchande. Paris, 1973; Un Nouveau Colbert. Actes du Colloque pour le tricentenaire de la mort de Colbert. Paris, 1985, и др.

²⁵ Loriquet Ch. Les artistes rémois, notes et documents recueillis dans les archives de la ville de Reims. – *Travaux de l'Académie impériale de Reims*, t. XXXVIII. Reims, 1864; *idem*. Les tapisseries de Notre-Dame de Reims, description précédée de l'histoire de la tapisserie dans cette ville d'après des documents inédits. Reims, 1876; Gosset P. Les premiers apothicaires rémois (1311–1700). Reims, 1904; Demaison L. Documents sur les drapiers de Reims au moyen âge. Paris, 1928; Robert G. Le vidame de Reims et les métiers dépendants. Châlons-sur-Marne, 1938.

²⁶ Устав книгопечатников см. Chauvet P. Les ouvrières du livre en France dès origines à la Révolution de 1789. Paris, 1959; устав сукноделов 1292 г. – Roch J.-L. De la nature du drapier médiéval. L'exemple rouennais. – *Revue historique*, 2000, № 1; Olivier-Martin F. L'organisation corporative, а также в ряде других исследований по истории ремесла; устав цирюльников. – Дефурно М. Повседневная жизнь в эпоху Жанны д'Арк. СПб., 2002; историю изготовителей скобяных изделий. – Bourgeois G. Le duché de Reims, première pairie de France, aux derniers siècles de la Monarchie. Paris, 1944.

В основу данного исследования были положены материалы середины XV–XVIII вв., опубликованные²⁷ и архивные: ремесленные и торговые регламенты, королевские ордонансы и другие законодательные акты, судебные постановления, делопроизводственные документы корпораций (регистры, счета, книги доходов и расходов, расписки и др.). Первые ремесленные уставы Реймса относятся к концу XIII – к XIV в. (самый ранний устав 1292 г. принадлежит, как и многие ранние регламенты, сукноделам); активная их запись началась с середины XVI в. Самый поздний реймский регламент датируется 1774 г. (сапожники и починщики). Отдельные тексты, в том числе первые редакции некоторых уставов, не сохранились. Всего в ходе работы было выявлено более 70 регламентов XIII–XVIII вв.

Реймские материалы позволяют поставить проблему "массового возникновения" корпораций в позднее Средневековье и раннее Новое время и обратиться к вопросам о соотношении правового и организационного оформления профессиональных сообществ, о самоорганизации, восприятии и самовосприятии ремесленного или торгового сообщества.

Отечественную и зарубежную историографии разделяют разные традиции понимания этих сообществ в соответствии с тем, какой критерий – социально-экономический или юридический – кладется в основу их определения. Однако существование некоторых организационных форм задолго (или за некоторое время) до признания профессионального сообщества властями и до утверждения регламента никем не ставится под сомнение. Многочисленные и разнообразные сохранившиеся источники XVI–XVIII вв. позволяют доказать, что институционализация сообщества, законодательное закрепление за ним исключительных прав и привилегий может рассматриваться как в некотором роде заключительный этап становления корпорации, а не начало ее истории, поскольку объединение ремесленников, определенным образом организованное (что подтверждалось наличием общей казны, особых должностных лиц, регулярных собраний), могло существовать независимо от утверждения регламента и до признания со стороны властей. Источники фиксируют такой временной разрыв для реймских мясников (в XV в.), суконщиков (в XVI в.), купцов-мерсье²⁸ (в XVII в.). Обычаи и традиции, особая символика, святой покровитель и своя церковь создавали у мастеров и купцов ощущение "достойного управления" их сообществом, которое в ряде случаев подкреплялось наличием специальных постановлений и документов, но не обязательно регламента.

Другой немаловажной составляющей этого единства были ощущение причастности к нему у членов сообщества, представителей одной профессии, и признание права на эту причастность со стороны всех остальных. Существование общности мастеров не являлось предметом переговоров, торга или прошений в отличие от существования присяжной корпорации как особого типа организации. Корпорации, во множестве появлявшиеся в XVI–XVIII вв., не требовали выполнения правил, установленных впредь для новичков, от уже работавших в городе мастеров. Их вносили в общий список как "мастеров этого ремесла", иногда (а в XVIII в. – как правило) для этого было нужно соответствующее заявление ремесленника. Принадлежность таких мастеров к профессиональному сообществу и к конкретной ремесленной корпорации не нуждалась в

²⁷ См. важнейшую для истории города многотомную публикацию П. Варена. – *Varin P. Archives administratives de la ville de Reims. Paris, 1839–1848; idem. Archives législatives de la ville de Reims. Paris, 1844–1852.*

²⁸ *Marchands merciers* – влиятельные негоцианты, занимавшиеся исключительно оптовой торговлей. Реймские купцы претендовали на контроль над разными видами тканей, предметами роскоши, изделиями из металла, книгами, бумагой и множеством других товаров (XV, XVII, XIX, XXI статьи их регламента 1639 г.). В одну с ними корпорацию входили и коробейники, мелкие торговцы галантерейным товаром, принадлежавшие к иному социальному слою, которые платили меньший вступительный взнос – 8 парижских су, в отличие от оптовых торговцев, взнос которых составлял 6 парижских ливров. – *Varin P. Archives législatives, pt. 2, v. 2, p. 564, not.*

иных доказательствах, кроме как проживание в городе, занятие ремеслом и собственное желание продолжать им заниматься.

Создания и утверждения регламента даже в XVII и XVIII вв. было недостаточно для организации сообщества. Оно конституировалось клятвой, и такая коллективная и одновременная клятва мастеров известна в Реймсе вплоть до середины XVIII в.: для книгопечатников (1623 г.), свечных мастеров (1733 г.) и пуговичников (1736 г.).

Массовым явлением ремесленные и торговые корпорации становятся в это время во многом вследствие государственной политики их распространения, а тексты их регламентов обладают схожестью и повторяемостью, что нередко воспринимается как "неоригинальность", отражение в большей степени намерений законодателя и некоторых абстрактных "общих идей", и в меньшей – конкретной ситуации, сложившейся в данной отрасли, в данном месте и в данное время. Эта позиция во многом справедлива: ремесленные уставы разных городов могли дословно повторять друг друга (для Реймса это те случаи, когда местные ремесленники использовали парижские уставы, не изменяя их, как поступили, например, портные в 1628 г., взяв парижский регламент 1619 г.); почти одинаковыми могли быть тексты регламентов для совершенно разных специальностей (в Реймсе – уставы бакалейщиков 1692 г. и шляпников 1700 г.). Однако проведенное исследование позволяет утверждать, что для каждого конкретного ремесла создание регламента было важным событием, а собственный устав – уникальным документом, учитывающим и отражающим ситуацию, сложившуюся именно в этом городе и именно в этой специальности, среди хорошо знавших друг друга людей²⁹.

В то же время общность условий существования и унифицирующее воздействие государства приводили к тому, что в уставах разных ремесел из разных мест было много общего. Все это позволило со временем сформулировать своды правил, подходивших практически для любого города, и создавать с середины XVII в. регламенты для отдельных ремесел (музыкантов 1658 г., красильщиков 1669 г. и 1737 г., цирюльников, парикмахеров и банщиков 1725 г. и др.), действие которых распространялось на всю страну. Их появление свидетельствовало об изменениях в экономической и социальной организации общества: о возможности описать специфику профессии в масштабах всего королевства и сформулировать административные нормы так, чтобы они наилучшим образом удовлетворили стремление к порядку и к сохранению местной уникальности. В ремесленных уставах для всего королевства, как и в мануфактурных регламентах второй половины XVII в.³⁰, были определены общие профессиональные нормы и управленческие принципы, не вызывавшие сомнений в своей правильности и правомерности.

В общественном мнении существовало представление о том, как должно быть организовано ремесленное или торговое сообщество. Анализ устных³¹ и письменных прошений ремесленников и торговцев о регламентах показал, что этому представлению соответствовал статус присяжного ремесла, который первоначально (в Реймсе в середине XVI – первой трети XVII в.) мог быть получен только при обращении к королю и к которому стремились далеко не все профессиональные сообщества, а лишь те, чья деятельность выходила за рамки города (суконщики в 1569 г., изготовители шелковых изделий в начале XVII в., купцы-мерсье в 1639 г.). Но постепенно (в Реймсе в конце XVII – в XVIII в.) все "урегулированные" сообщества стали считать себя присяжными корпорациями независимо от того, какой именно инстанцией был ранее

²⁹ Кириллова Е.Н. Корпорации раннего Нового времени: ремесленники и торговцы Реймса в XVI–XVIII веках. М., 2007, гл. II, IV.

³⁰ Recueil des reglements generaux et particuliers concernant les manufactures et fabriques du royaume, t. I–III. Paris 1730.

³¹ Имеется в виду пересказ от имени должностного лица просьбы, устно высказанной мастерами и присяжными.

утвержден их устав. Не имевшие регламентов сообщества аргументировали необходимость в них не просто потребностью в порядке (в ремесле и городе), а потребностью в корпорации, и такой аргумент признавался всеми сторонами как достаточный и достойный.

Формированию и закреплению традиций, связанных с присяжными корпорациями, способствовало публичное чтение регламентов, которое закрепляло в массовом сознании наиболее унифицированные правила жизнедеятельности корпораций в качестве легко узнаваемых и общеизвестных. Расширение области применения книгопечатания, в том числе в канцелярской практике, и распространение грамотности содействовали формированию новой традиции – издавать уставы и распространять их не только среди членов своей корпорации, но иногда и среди купцов и мастеров других специальностей. Так, свечные мастера в 1733 г. подготовили экземпляры для мясников; бочары в 1737 г. – для купцов, торговавшим деревом. Колпачники в 1735 г. и веревочники в 1736 г. предусмотрительно позаботились о копиях не только для работавших, но и для новых мастеров.

Однако изучение соотношения и соответствия обычаев, традиций и записанных норм показало, что наличие и доступность опубликованного текста не заменили знания обычаев, поскольку даже самые подробные регламенты охватывали далеко не все стороны жизни ремесленного или торгового сообщества, оставляя простор для применения норм, письменно не зафиксированных³². Неписанные нормы предпочитались писаным в тех случаях, которые оставались внутренним делом корпорации и не выносились на городской или королевский суд, в частности, при определении вступительных взносов. Одновременно действовала тенденция, закреплявшая приоритет записанных правил, когда появление регламента настолько изменяло жизнь сообщества, что обычаи, не зафиксированные в регламенте, начинали восприниматься как недействующие.

Скорость замены старых текстов их новыми редакциями свидетельствует о том, насколько чувствительны были ремесла к изменениям, происходившим в их собственной профессии, в экономике и социальной сфере в целом. Многие уставы не подвергались изменениям на протяжении 100 и даже 200 лет: булочников – с 1561 г. до 1743 г., более 180 лет; сапожников – с 1571 г. до 1774 г., более 200 лет; колпачников – с 1581 г. до 1706 г., 125 лет. Есть целый ряд уставов, которые не изменялись в течение столетия: у бочаров, каменщиков, закройщиков; другие регламенты неоднократно и регулярно модифицировались, чутко реагируя на малейшие изменения обстоятельств, – у сукноделов, стригальщиков сукна, веревочников и др. С административной точки зрения лучшими были уставы, не нуждавшиеся в исправлениях: они требовали меньше хлопот и, что немаловажно, дополнительных средств. Они смогли разрешить актуальные конфликты и со временем стали уважаемыми "старыми" текстами.

Изучение процедуры составления и утверждения регламента показало, насколько непростым и неформальным было это действие и для членов корпорации, и для административных структур: каждый устав и каждое постановление надо было организовать (сформулировать и записать), согласовать, утвердить в нескольких инстанциях, переписать или напечатать (как можно меньше раз – не случайно регламенты сохранялись нередко в виде самого первого варианта), обнародовать в городе и его округе, сообщить о них или раздать их всем мастерам и т.д. С учетом всех этих процедур очевидно, что корпорация, постоянно корректировавшая свой устав, обладала немалыми средствами и полагала, что затраты на исправление устава будут меньше тех сумм, которые будут потеряны при сохранении прежнего текста, а ее должностные лица имели возможность тратить время на решение организационных вопросов без особых потерь для себя и своего дела.

³² Кириллова Е.Н. Корпорации раннего Нового времени..., с. 299–302, 315; *её же*. Обычай: до, после и вместо регламента. – Право в средневековом мире. М., 2008, с. 88–96.

Нормы и обычаи ремесла передавались из поколения в поколение, большинство приемов и требований узнавалось на практике, в процессе обучения и работы: достаточно было показать, как это делается. Многие правила не проговаривались вслух, не имели до определенного времени словесного выражения. Неосознанность норм повышала их эффективность: ими руководствовались, но не осмыслили, в частности, не осмыслили критически. Соответственно письменная фиксация нормы, особенно в нормативном акте, в законе, автоматически превращала ее в объект для критического осмысления, которое происходило намного быстрее и, можно предположить, иным способом (конфликтнее), чем до записи. Отсутствие установившихся и общепринятых формулировок приводило к тому, что при первой записи большинства регламентов возникали споры, обычно более или менее успешно разрешавшиеся в ходе утверждения устава.

"Ключевая категория анализа феномена организации", ее определяющий признак – цель³³. Цель создания корпораций, как она была заявлена в прошениях, как она формулировалась властными структурами разного уровня, – "общее благо", которое в данном случае понималось как порядок. Идея "общего блага" противостояла изменявшимся условиям жизни; за риторикой, характерной для законодательства и выраженной специфическим языком (языком закона), стояло конкретное наполнение. В эту формулу вкладывали предотвращение злоупотреблений, поддержание высокого качества изделий, заботу о репутации города и ремесла, идею порядка и надлежащего управления. В регламентах основной целью был заявлен порядок, понимаемый как упорядоченность разных сфер жизни людей, занимавшихся одним ремеслом, стремление упорядочить и обустроить все жизненное пространство. В отношении профессиональной деятельности это созданные обычаем, практикой, но также и в результате обсуждения и договора правила работы, которые действовали в рамках мастерской и лавки и определяли отношения между мастерами. Это, несомненно, духовная жизнь, "организация" (упорядоченность), которая выходит на первый план во второй половине XVII – в XVIII в. В этот период регламенты более детально и дотошно прописывают нормы профессиональной деятельности, однако перемещение акцента на сферу духовной и социальной жизни очевидно даже на таком фоне. В социальном плане это партнерские или иерархические отношения и связи, создаваемые как профессией, так и статусом каждого конкретного человека: внутрисемейные отношения и личная жизнь ремесленников, торговцев и членов их семей, хотя и до определенных пределов.

Наличие семьи было важной социальной характеристикой мастера, а ее отсутствие – существенным недостатком, приводившим к целому ряду профессиональных ограничений. Регламенты указывали на достижение соответствующего возраста как на один из важнейших критериев, определявших возможность стать мастером и членом ремесленной или торговой корпорации, причем эти возрастные ограничения совпадали с такой социальной характеристикой, как статус женатого человека³⁴. Мастер должен был обладать не только знаниями, полученными в ходе обучения, но и жизненным опытом, не только положением, но и своей собственной мастерской. Несмотря на неизбежные профессиональные различия, ограничения минимального возраста, принятые в разных ремеслах, довольно близки: 15–18–20 лет и 22 года, но сопровождающие их оговорки свидетельствуют, что такой возраст был на грани представлений о норме, принимался обществом с осторожностью и требовал дополнительных подтверждений соответствия социальному статусу.

В массе регулярно повторяющихся правил уставы зафиксировали принципиально первое место, которое занимали благополучие и процветание семьи, стабильность се-

³³ Пригожин А.И. Социология организаций. М., 1980, с. 41, 53.

³⁴ Кириллова Е.Н. Мастер и ученики: возрастные ограничения в ремесленных корпорациях Реймса. – Мир Клио, т. 1. М., 2007, с. 349–356.

мейного дела в приоритетах членов ремесленных и торговых корпораций. Нормы, обеспечивавшие будущее семьи мастера, есть практически во всех уставах, в гораздо меньшей степени отразивших заинтересованность мастеров в обеспечении с помощью сообщества своего собственного будущего – старости, когда сам мастер уже будет не в состоянии работать. (Помощь немощным членам сообщества была нормой общежития; в уставах такие правила фиксировались преимущественно в тех случаях, когда в них особым образом проявлялась специфика профессии.)

Интересы семьи мастера гарантировали правила, действовавшие в случае его преждевременной смерти. Это в первую очередь право его вдовы продолжать работать в ремесле: женщина³⁵ обеспечивала семью, которая и после смерти мастера, независимо от наличия у него детей и наследников продолжала быть "приписанной" к его корпорации.

Привилегии для детей мастера обеспечивали им облегченное и ускоренное вступление в сообщество и, соответственно, право заниматься ремеслом отца. На всем протяжении истории корпораций оно было безусловным, но вполне могло быть утеряно (или стать номинальным) после смерти родителя, что становится особенно распространённым в XVIII в. Чтобы ограничить круг людей, имевших подобные привилегии, и, соответственно, ослабить возросшую конкуренцию, сыновей мастера стали разделять на две категории в зависимости от времени их рождения, соотношенного со временем получения метризы³⁶ их отцом. Традиционные привилегии могли получить только те сыновья, которые родились у мастера, уже имеющего метризу. Такое нововведение появилось в 1740-е годы у реймских сапожников, булочников-кондитеров и портных. Сын мастера, родившийся после получения метризы его отцом, мог стать мастером уже в 12 лет, пройдя небольшое испытание. Такая возможность зафиксирована всего в двух реймских регламентах (у булочников в 1743 г. и портных в 1749 г.), а возможность стать мастером, не дожидаясь окончания срока обучения, прерванного смертью отца и учителя, впервые и единственный раз была зафиксирована для сыновей мастера в регламенте изготовителей сукна, саржи и шерстяной кисеи 1666 г. Эта уникальная запись отразила ситуацию, регулярно фиксировавшуюся применительно к обычным ученикам, которые могли после смерти мастера завершить обучение у его вдовы либо у другого мастера. Но если они показывали хорошее знание профессии, то могли стать мастерами, не дожидаясь окончания срока обучения, и это очень большая привилегия, известная для обычных учеников только у слесарей (устав 1646 г.), которая была ликвидирована в следующей же редакции устава, в 1708 г.

Некоторые корпорации облегчали доступ в ремесло зятю мастера, приближая его положение к сыну мастера. Со временем, особенно в XVIII в., от зятя стали требовать денежной компенсации за обучение, если он учился в другом городе. Некоторые дополнительные привилегии могли получить подмастерья и ученики, женившиеся на вдове мастера. Повторный брак вдов с почти уже членами корпорации был, вероятно, одним из лучших вариантов и для них самих, и для профессионального сообщества, поскольку решал одновременно и социальные, и профессиональные проблемы. Если же вдова выходила замуж за человека, не имеющего никакого отношения к данному ремеслу, она должна была прекратить работать. Ее новому мужу – постороннему для ремесла человеку – такой брак не облегчал доступ в корпорацию. А если ученик женился не на вдове или дочери мастера, такой брак мог вообще закрыть ему доступ в ремесло, поскольку учить женатых учеников не разрешалось.

³⁵ Женщины могли быть членами ремесленных и торговых корпораций, их численность составляла в реймских ремеслах от 3 до 14,5%, в отдельных случаях – 33–55%. Регламенты нерегулярно упоминали о мастерницах, но в ряде случаев именно их роль и положение в ремесле, несомненно зависевшие не только от профессии, но и от демографической ситуации, политической (например, войны) и экономической обстановки (голодные годы, конъюнктура рынка), приводили к появлению нестандартных формулировок и правил.

³⁶ Право заниматься ремеслом; документ, подтверждающий это право.

Изменения, происходившие в раннее Новое время, отчетливо осознавались современниками, что нашло отражение в описательных и в количественных характеристиках: от числа работников или станков в мастерской до понимания полноправности и неполноправности мастеров.

Как показали источники, называться "мастерами" в это время могли люди, обладавшие разными профессиональными характеристиками и разным социальным статусом. Важнейшей, специально отмечаемой характеристикой полноправного мастера стало наличие у него мастерской, что ранее было само собой разумеющимся и неотъемлемым от звания мастера. Такое неестественное для средневекового ремесленника разделение мастера и его мастерской признавалось и допускалось корпорациями, а в регламентах XVIII в. появилось выражение "мастер, держащий лавку" или "вдова, держащая лавку". Лишь они были полноправными членами корпорации, а их права и возможности существенно отличались от положения тех, кто не имел лавки. Последние не могли учить учеников, не имели права быть присяжными в своей корпорации, покупать в городе товары, относящиеся к их профессии (если только не от имени и по распоряжению полноправного мастера или мастерицы); не могли участвовать в общих собраниях (соответственно, влиять на их решения), но их приглашали на торжественные мессы, заупокойные службы и похороны. Эти ограничения известны для разных корпораций и одновременно не действовали.

Источники особо отмечают количественные и качественные характеристики мастерской: обязательное оборудование (печь у булочников и др.); особое местоположение, но не так, как в средние века – исключительно из соображений чистоты и порядка в городе (эти правила не отменяются), а относительно друг друга (не слишком близко к мастерской бывшего учителя; помещения, принадлежавшие разным мастерам, не должны сообщаться между собой), чтобы ограничивать и контролировать конкуренцию.

Важнейшей характеристикой становится и число людей, которые могли работать в мастерской. Данные источников позволили обратить внимание не только на качественный разрыв между мелкими и крупными мастерскими, хозяева которых нанимали работников, что отражает становление мануфактурного производства и является объектом изучения многих исследователей. Был выявлен другой, не менее существенный и реально ощущавшийся современниками статусный разрыв между теми, кто нанимал хотя бы одного работника или работал исключительно сам, с помощью членов семьи³⁷. Участие в работе членов семьи позволяло мастеру не привлекать дополнительную рабочую силу (не нанимать более или менее квалифицированных работников и не платить им), тем самым обеспечивая себе более стабильное положение. Намного более неустойчивым было положение средних мастерских, нанимавших работников: они процветали при благоприятной конъюнктуре и легко могли разориться при неблагоприятной.

Разнообразное участие домоладцев в профессиональной деятельности хозяина дома и мастерской сглаживало и смягчало негативное воздействие экономической и социальной конъюнктуры и могло усилить ее благоприятствование. Оно давало возможность расширить производство, не вступая в противоречие с установленными нормами (ограничением числа работников или станков). Необходимо специально подчеркнуть, что семья защищала от недобросовестности работников в разных ее проявлениях, в том числе в плане сохранения профессиональных секретов.

По размерам и статусу корпорации могли существенно отличаться друг от друга, в них могли входить от трех до нескольких десятков и сотен человек³⁸. Но если не

³⁷ Кириллова Е.Н. Численность работников в ремесленных мастерских во Франции XVII–XVIII вв. – Известия Самарского научного центра РАН, 2009, вып. 1.

³⁸ Три ножовщика в конце XVII – начале XVIII в.; более 50 мясников в середине XV в.; более 130 сапожников и починщиков обуви во второй половине XVI в.; 45 столяров в начале XVII в. и около 40 – в середине XVIII в.; более 200 бочаров в начале и более 170 в середине XVIII в.

знать, кто подавал прошение и сколько мастеров расписались в конце устава, из текста регламента неочевидно, велика или мала эта корпорация. Опыт ведения дел и уровень правовых знаний сказывался при составлении уставов и на самих текстах, что ярко проявилось, например, в регламентах купеческих объединений, но с точки зрения управления, приема новых членов, а также организации профессиональной и социальной сферы различия минимальны.

В то же время заниматься ремеслом было спокойнее, свободнее и выгоднее, не вступая в корпорацию, и так поступало подавляющее большинство французских ремесленников и торговцев. Даже к концу XVIII в. соотношение организованного в корпорации и неорганизованного ремесла было в пользу последнего и с большим его преимуществом. Тем не менее к этим ремеслам неприменимо понимание "свободы" как "стихийности" – они не были свободны от регулирования со стороны городских властей, государства и самое, возможно, существенное – со стороны обычая, не менее строгого, чем устав или закон.

Ремесленные и торговые корпорации в раннее Новое время показали себя гибким институтом, способным меняться и закреплять произошедшие перемены, в том числе на законодательном уровне. Потребность в новом слове (*corporation*) обозначилась неслучайно, отразив и отчетливые признаки индивидуализации (когда для создания и признания корпорации оказалось достаточно согласованных действий трех человек), и другие "новые" характеристики ремесленных и торговых сообществ. Это возможность объединения в одной организации людей, принадлежащих к одной профессии, но обладающих разным социальным статусом (хозяев и их работников); это возможность отделить "качества" от их "носителя" (привилегии от их владельца) и соответственно работать с каждой отдельной составляющей (сдавать права и привилегии внаем, передавать другому лицу и т.д.). Это, наконец, возможность делить на мелкие и мельчайшие составляющие не только производство (простейшие операции, выполнять которые способен неквалифицированный работник), но и профессиональные знания. Пока знание являлось целостностью, им мог обладать только специалист, когда же оно раздробилось и было описано в инструкциях и перечнях критериев качества, оно стало достоянием чиновников. Устойчивость и притягательность корпоративных структур была создана сочетанием новых и "старых" характеристик (таких, как взаимопомощь, внутреннее единство, защита общих интересов и согласованность действий).

Немногочисленные в начале своей долгой истории, насчитывающей около восьми столетий, и активно насаждавшиеся властями впоследствии, ремесленные и торговые корпорации занимали важное место в экономической и социальной жизни общества. Постоянно подтверждая свою необходимость и успешно демонстрируя устойчивость, стремясь к сохранению "добрых традиций" (даже когда таким образом обозначались нововведения), к стабильности и благополучию каждого, кто входил в ремесленное или торговое сообщество, корпорации были одной из основ общества и одним из его ключевых стабилизирующих факторов.